

УДК 821.161.1.09"19"

Н. Г. КоптеловаКостромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru**К ВОПРОСУ О ПРОЧТЕНИИ КИТЕЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ СИМВОЛИСТОВ И ПОСТСИМВОЛИСТОВ**

В статье рассматривается проблема творческого освоения Китежской легенды в творчестве некоторых символистов и постсимволистов. Выявляются устойчивые и подвижные черты семантики образа града Китежа, созданного разными авторами начала XX века. Объясняется, почему смысловая трансформация этого топоса в творческом сознании того или иного художника идёт именно в таком направлении. Делается вывод о существовании в русской культуре начала XX века особого, «китежского мировоззрения», предполагающего главным образом глубокий интерес писателей к религиозно-мистическому опыту русского народа, его вере в идеалы духовной красоты и праведности, выразившиеся в поисках миров иных, скрытых, потаённых, «невидимых». Подчёркивается, что «китежскому мировоззрению» соответствовала и определённая поэтика, предполагающая активное обращение к символике, использование различных форм художественной тайнописи, дополнение текста началами подтекста.

Ключевые слова: народная легенда, Китеж, символисты, постсимволисты, образ, символ, религия, Россия.

N. G. KoptelovaNekrasov Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru**ON THE QUESTION OF READING OF KITEZH LEGEND
IN CREATIVE WORK OF SYMBOLISTS AND POST-SYMBOLISTS**

The problem of creative development of Kitezh legend in creative work by some symbolists and post-symbolists is considered in the article. Steady and mobile lines of semantics of Kitezh City image created by different authors of the early 20th century are elucidated. We speak why semantic transformation of this place was in creative consciousness of this or that artist going in the certain direction. The conclusion about existence of a special, «Kitezh», outlook in the early 20th century Russian culture assuming mainly a great interest of writers in religious-mystical experience of the Russian people, in its belief in the ideals of spiritual beauty and of righteousness, expressed in searches of the worlds of other; hidden, undercover, «invisible», is drawn. It is emphasised that certain poetics, assuming the active appeal to symbolics, to use of various forms of the ciphered style, addition of the text with the implication principles, corresponded to «Kitezh» outlook as well.

Keywords: folk legend, Kitezh, symbolists, post-symbolists, image, symbol, religion, Russia.

Китежская легенда, слагавшаяся на протяжении ряда веков (12), привлекала к себе внимание многих творцов начала XX века. Как точно замечает А. Эткинд, «легенда о граде Китеже, на рубеже веков породившая тексты разных жанров от оперы до памфлета, соответствовала ницшеанской идее вечного возвращения» (22, 65–66). При этом можно выявить некоторые тенденции в восприятии и осмыслении легенды разными писателями, связанными с теми или иными художественными направлениями, течениями, школами.

Отечественные литературоведы в последние десятилетия во многом прояснили роль Китежской легенды в творчестве новокрестьянских писателей, для которых она стала предметом постоянных и многообразных художественных рефлексий, духовным центром их идейных исканий (1; 19). Сделаны важные шаги и на пути изучения прочтения легенды о граде Китеже, предложенного авторами-символистами и постсимволистами (20). Однако проблема творческого освоения легенды русским культурным сознанием весьма сложна и многоаспектна и ещё весьма далека от исчерпывающего решения. Цель данной статьи – проследить, что в семантике названного образа остаётся устойчивым, а что меняется у ряда авторов начала XX века, связанных с эстетикой символизма и постсимволизма; объяснить, почему смысловая трансформация образа в творческом сознании того или иного художника идёт именно в таком направлении.

Можно с уверенностью сказать, что для авторов символистской ориентации легенда о граде Китеже, прежде всего, выражала потаённый религиозный опыт народной души. Характерное для русских символистов отношение к народной легенде как средоточию духовных глубин национального сознания обозначено в книге Д. Мережковского «Было и будет: Дневник, 1910–1914»: «Легенды не история, как облака не горы; но иногда за легендой – высшая правда истории, как за облаками – вершины гор. <...> Что для души человеческой сновидение, то для души народа легенда. Скажи мне, что тебе снится, и я скажу тебе, кто ты; скажи мне, какие у тебя легенды, и я скажу тебе, какой ты народ» (14, 123). Именно в таком ключе толковали народную легенду З. Гиппиус (очерки «Светлое озеро») (1904); М. Пришвин, в ранний период творчества находившийся в поле притяжения символизма («У стен града невидимого») (1909) (11); С. Дурылин («Церковь невидимого града. Сказание о граде Китеже») (1913). Для названных авторов Китеж – воплощение искомого религиозного идеала, духовный ориентир для запутавшегося, уставшего от безверия интеллигентского сознания. В указанных произведениях – метафизический, религиозный смысл легенды, акцентированный ещё в старообрядческой «Книге, глаголемой летописец» (16, 5–42), проецируется на современность; вечное, сверхисторическое в сказании о невидимом граде парадоксально подчёркивается документальной основой повествования. Для авторов-богоискателей необыкновенно важно было общение с живыми носителями «китежской веры», как зачинателями «нового», истинного религиозного сознания. Например, З. Н. Гиппиус в очерках «Светлое озеро» стремилась передать радостное чувство единения с людьми из народа, надеющимися увидеть в водах озера отражение подлинного града Китежа и услышать «скользящий по воде звон его колоколов» (8, 164–342). Она писала: «Мы сидели вместе, на одной земле, различные во всём: в обычае, в преданиях, в истории, в одежде, в языке, в жизни, – и уже никто не замечал различия; у нас была одна сущность, одно важное для нас и для них» (9, 378–396).

Гиппиус по-своему заражает интересом к китежской легенде и А. Блока. В письме к молодому поэту от 9 июля 1902 года она взволнованно делится впечатлениями от пребывания на озере Светлояр: «Всё, что мы там видели и слышали, до такой степени неожиданно и прекрасно, что мы до сих пор не можем опомниться и возвратиться к отвлечённым мыслям и рассуждениям» (15, 537–621). В ответном письме Блок высказывает надежду на «возвращение» невидимого града Китежа, возможное для людей «желающих проникнуть» в суть его религиозно-мистической правды (5, т. 8, 34). Примечательно, что своё письмо к З. Н. Гиппиус поэт завершает такой просьбой: «<...> пожалуйста, напишите мне <...> что-нибудь о Китеже, потому что мало, что на свете лучше «Китежей» <...>» (5, т. 8, 34). По-видимому, блоковский интерес к народной легенде о граде невидимом был мотивирован и младосимволистской концепцией многомирия. Духовная реальность Китежа была для автора «Прекрасной Дамы», как и для народного сознания, верующего в существование потаённого чудесного града, большей реальностью, нежели мир видимый, материальный.

А. Эткинд, рассматривая эволюцию хлыстовской темы в творчестве Блока, считает, что её кульминация обозначается в драме «Песня судьбы» (1908). Исследователь верно указывает: «Прежде чем расстаться, Герман и Фаина награждаются апокалиптическим видением Нового града; так сектанты называли свою мечту о вновь обретённом Китеже» (22, 357). Вот каким представляется чудесный город Герману: «Да, да: широкие площади, вереницы огней... Это – город, огромный город... Серая башня... из башни кто-то глядит на меня...» (5, т. 4, 164). Очевидно, главный герой лирической драмы наследовал от автора не только боль за судьбу России, но и веру в её светлое будущее, столь трепетно воплощённую, по мнению Блока, в легенде о Китеже.

Легенда о граде Китеже дала импульс и для жизнетворческих мечтаний младосимволиста Андрея Белого. В воспоминаниях о Блоке, опубликованных в журнале «Записки мечтателей»

в 1922 году, А. Белый так писал о своих совместных с автором «Прекрасной Дамы» и с юным С. Соловьёвым поисках «гармонизации человеческих отношений»: «Мне мечталась тихая праведная жизнь нас всех вместе, чуть ли не где-то в лесах или на берегу Светлояра, ожидающих восстания Китежа (или Грааля)» (2, 204–324).

Показательно, что задуманная А. Белым трилогия «Восток или Запад» должна была включать, кроме «Серебряного голубя» и «Петербурга», роман «Невидимый град», так и не созданный писателем. О своём намерении написать роман «Невидимый град» Белый говорил, в частности, в письмах к Э. К. Метнеру от 26 декабря 1912 г. и от 8 января 1913 года (4, 33). Судя по всему, в китежской легенде автор и нашёл путь к разрешению противоречий между «Востоком» и «Западом», исследуемых в романах «Серебряный голубь» и «Петербург», а также обрёл духовную опору для измученной метаниями души русской интеллигенции.

В религиозном ключе идёт освоение образа града Китежа и в стихотворном цикле С. Городецкого «Алый Китеж» (1907). Поэт обращается к легенде на волне младосимволистского интереса к стихии русского фольклора, желая не только заглянуть в глубины национального сознания, но и продолжить дело «всемирного мифотворчества». Активно используя приёмы стилизации, реконструируя образы и мотивы не только китежской легенды, но и народных песен, причитаний, заклинаний, сказок, сказов, в стихотворениях «Озеро», «Под озером» автор создаёт представление о необъятном водном пространстве, в глубине своей скрывающем тайну народной веры: «Так недвижно, неслышно печальная гладь // Затаила в глуби тишину-благодать». Лирической кульминацией цикла является стихотворение «Облак» – своеобразная молитва подводному Китежу, символизирующему «святую высь»:

Свете тихий, Свете дивный
Освети меня!
Ниже облак переливный
Алого огня.

Вот уж виден купол алый,
Слышен ясный звон,
Славен город небывалый,
Сладок Божий сон.

Славься Свете, величайся,
Душу приими! (10, 133).

У Городецкого образ Китежа, пожалуй, даже избыточно живописен: озеро Светлояр, чудесное явление града предстают удивительно красочными, в изменчивой, прихотливой игре цвета и света. Поэт не скупится на создание цветообразов: «Бирюза, бирюза, зелена, голуба, // Золотятся берёзы, тот берег лилов...», «голубящий покров», «светло-хрустальная гладь», «купол алый» и т. д.

В цикле «Алый Китеж» встречаются стихотворения-баллады: например, «Монастырь», «Сёстры». В их сюжетах угадывается сплав творческого вымысла поэта и отголоски китежских преданий (ведь как подчёркивают исследователи, китежская легенда – это целый цикл преданий о невидимом граде, ставшем местом действия для разных персонажей) (16, 37), воспринимаемых автором как вещие сны русского народа, которым предстоит возвращение. Мотив сна звучит, например, в стихотворении «Сёстры», героиня которого отправляется в Китеж, на свою духовную родину, оставляя сёстрам на память «Сон» о чудесном граде:

...Так кинула бранный полон
И сёстрам оставила Сон
В печальном сияньи икон (10, 137).

Легенда о Китеже в цикле Городецкого обрaмлена мотивами хлыстовства, увлечение которым в начале XX века, по меткому выражению А. Белого, стало настоящей «эпидемией» (3, 315). Поэт активно вводит в стихотворения хлыстовскую символику: «птичью метафорику» («голубиные очи», «голубиные речи», «Птица-Мгла», «Птица-Жар»), образ единения сестёр. В «Алом Китеже» возникают картины «хлыстовских радений», освещённые как бы двойным светом. Прекрасный град неожиданно превращается в «монастырь-урод», средоточие зла, греха, безверия:

...За тобой ползёт
Из вспенённых вод
Монастырь-урод.

В окнах жёлтый свет,
Купол вбок надет,
А крестов-то нет (10, 133).

Однако пугающие «пляс и крик внутри» имеют какую-то тайную власть над душой лирического героя:

Уж, что будет, будь,
А когда-нибудь
Мне на ад взглянуть (10, 133).

На смену тёмным силам «ночи», несущим страх и сомнения, приходит «заря» нового религиозного переживания, открывающаяся в хлыстовских «кружениях», хороводах:

Мы вот тут, вот так кружились,
Бились, спелись, заплелись,
Богу милому молились,
Светлой жизни родились. (10, 138).

Н. А. Богомолов, анализируя принципы построения альманаха «Цветник Ор» (1907), в котором был напечатан «Алый Китеж» Городецкого, справедливо видит в хлыстовских мотивах, звучащих в цикле, вариант «русского дионисийства», идеи которого так или иначе разрабатывали все участники издания (6, 334). (О прямом родстве русского хлыстовства с античными дионисийскими культами говорил и В. В. Розанов: это «как грибы, белые и боровики – одна порода» (17, 115).) В драматическом развитии сюжета отчасти отразился опыт, который Городецкий лично пережил, когда включился в «жизнетворческие» эксперименты на «башне» Вяч. Иванова, направленные на поиск новых форм «соборности».

Однако после революции 1917 года С. Городецкий, как и С. Есенин, отрёкся от Китежской легенды, как символа традиционных, устаревших духовных ценностей русского народа. Так, декларируя «новую» крестьянскую веру «без креста и мук» и претендуя стать её пророком, лирический герой Есенина хотел заменить град Китеж «градом Инонией» (поэма «Инония» (1918)). В порыве богоборчества Есенин был готов даже уничтожить память о граде невидимом:

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог (12, т. 2, 53).

Достоянием мёртвого прошлого, но не живого настоящего называет легенду о Китеже Есенин и в письме к А. В. Ширяевцу от 26 июня 1920 года. Поэт советует своему адресату: «Потом брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь, с её несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это всё выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Всё это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки?» (12 т. 6, 97). С цитиро-

ванным есенинским письмом перекликается письмо С. Городецкого, автора цикла «Алый Китеж», адресованное новокрестьянскому писателю С. Клычкову. В очередной раз, радикально поменявший свои идеологические и эстетические взгляды, Городецкий, как и Есенин Ширяевца, пытается повернуть автора «Сахарного немца» (1925), влюблённого в легенду о Китеже и собиравшегося написать роман «Китежский павлин», к современности, к теме строительства «светлого мира будущего человечества». Менторским тоном Городецкий поучает «отставшего от веяний времени» Клычкова: «Надо бы, чтобы не было ничего, чего не надо: сна сплошного. <... > Боюсь, что вуаль эта – не только техническая, а что она из основного мировоззрения – китежского, потустороннего, нестеровского. Но тут уж мы с тобой ни до чего не доспорим. Я эти Китежи вышвырнул, ты их любишь. В тех отрывках, которые ты мне читал, несмотря на чертовщину, Китежа меньше» (18, 127–128). В высказываниях автора письма, помимо призывов в духе теории акмеизма больше любить «вещи», «мир предметный», помимо нигилистического отказа от наследия прошлого, содержится принципиально значимая, верная мысль о существовании в русской культуре начала XX века особого, «китежского мировоззрения». Оно и объединяло художников самой разной эстетической ориентации, в частности, указанных авторов: символистов и постсимволистов (в частности, новокрестьян). «Китежское мировоззрение», генетически восходящее к творческому освоению народной легенды, тем не менее, объективно оказывается явлением более широким, не стеснённым определёнными, конкретными тематическими рамками. Оно предполагает главным образом глубокий интерес писателей к религиозно-мистическому опыту русского народа, его вере в идеалы духовной красоты и праведности, выразившиеся в поисках мировых, скрытых, потаённых, «невидимых». «Китежскому» мировоззрению соответствовала и определённая поэтика, предполагающая активное обращение к символике, использование различных форм художественной тайнописи, дополнение текста началами подтекста.

Один из вариантов воплощения «китежского мировоззрения» встречается в поэзии М. Волошина, намечающей новый поворот в процессе освоения народной легенды. В волошинском стихотворении «Китеж», написанном 18 августа 1919 года в Коктебеле во время наступления Деникина на Москву (вошло в цикл «Неопалимая Купина»), судьба невидимого града символизирует вечно повторяющийся исторический путь России. Мотивы и образы китежской легенды становятся основанием для историсофской параллели, созданной поэтом:

...Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
Народный не уймут костёр:
Они уйдут, спасаясь, от пожаров,
На дно серебряных озёр.
Так отданная на поток татарам
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлоярм... (7, 204).

По мнению поэта, мятежная Россия, подчинившись стихии «бесовской игры», утратила духовные ориентиры и не может вернуться в Китеж:

Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовёт призывный и нездешний
Подводный благовест церковей (7, 204).

Однако в финале стихотворения сквозь отчаяние всё-таки прорывается огонёк надежды:

Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи – крест, на выю – трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществлённый сон! (7, 206).

Волошин подчёркивает, что память о Китеже живёт в глубинах национального сознания, а это свидетельствует о вечности, неуничтожимости русского духа, о стойкости нравственных идеалов народа. Со стихотворением «Китеж» созвучно и волошинское стихотворение «Неопалимая Купина» (28 мая 1919 г.):

Мы погибам, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина! (7, 361).

Китеж, Неопалимая Купина – символы духовной прочности России, выражающие авторскую веру в её грядущее возрождение, надежду на конечное торжество добра над злом. Очень точно сказала о мироощущении Волошина в эссе «Живое о живом» М. Цветаева, хорошо знавшая поэта-миротворца, умеющего увидеть скрытые в глубинах национальной жизни духовно здоровые начала: «Зло для него было тьмой, бедой, напастью, гигантским недоразумением <...>. В этом смысле он был настоящим просветителем, гениальным окулистом. Зло – бельмо, под ним – добро» (19, т. 4, 190). В стихотворении Волошина, названном «Китеж», «бельмо» – это «Русь грешная», под ним – подводный «Китеж», потаённая «Святая Русь».

Мимо темы града Китежа не прошла и сама Цветаева. Упоминание о Китеже появляется, в частности, в стихотворении «По нагориям...» (1922), в котором выражена заветная цветаевская мысль о способности её поэзии опережать настоящее, быть созвучной далёкому будущему («В завтра, Русь, – поверх // Внуков – к правнукам!»). В первой строфе как бы воссоздан рельеф местности близ озера Светлояр, с которым легенда связывает чудесные события; содержится намёк на видение Китежа:

По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями (19, т. 2, 90).

Лирическая героиня стремительно мчится из прошлого в будущее:

Конь без удержу,
– Полным парусом! –
В завтра путь держу,
В край без праотцев (19, т. 2, 90).

Как и в «Инонии» Есенина, в стихотворении Цветаевой будущее резко противопоставлено прошлому, «завтра» разрывает все связи с «вчера». В результате – град Китеж, как прибежище «старых вер», предстаёт ненужным, отвергнутым и даже «мёртвым». Стремясь акцентировать утрату сакрального смысла слова «Китеж», возникшую от частого повторения легенды, Цветаева прибегает к созданию синекдохи, использует множественное число вместо единственного: «Мёртвых Китежей // Что нам – пастбища? (у Н. Клюева в стихотворении «Так немного нужно человеку...») (1916) встречалась синекдоха, окрашенная положительной семантикой: «Золотые Китежи»).

Отзвук китежской легенды слышится и в цветаевском стихотворении «Педаля» (1923) (вошло в сборник «После России» (1928)). С детства погружаемая матерью в мир музыки и постигающая душу музыкального инструмента парадоксально, неожиданно и оригинально (эссе «Мать и музыка»), Цветаева уже в эмиграции воспользуется впечатлениями давних лет для того, чтобы создать развёрнутую метафору противоречий жизни. Эта метафора основана на функциональном противопоставлении, взаимодополнении правой и левой педалей рояля: «Ведь если бы нажать отсюда, то есть из-под рояля, лицом к коленям матери, она бы оказалась левой, то есть короткой (по звуку). Почему же у матери она выходит правая, то есть звук – тянет?» (19, т. 5, 27):

Сколь пронзительная, столь же
Сглаживающая даль.
Дольше – дольше – дольше – дольше!
Это – правая педаль.

После жизненных радуший
В смерть – заведомо не жаль.
Глуше – глуше – глуше – глуше:
Это – левая педаль (19, т. 2, 90).

Поэтесса конкретизирует антитезу «правая – левая педаль» через создание метафорической антиномии: «Памяти гудящий Китеж» – «летейские воды» забвения. Таким образом, в стихотворении «По нагориям...» Цветаева актуализирует есенинский вариант семантики образа Китежа, воплощённый в поэме «Инония», где невидимый град оказывается отжившей архаикой. В стихотворении «Педаль» она уже апеллирует к смысловым оттенкам топоса, акцентированным в стихотворении М. Волошина (Китеж как олицетворение скрытых, потаённых, но вечно звучащих струн памяти: «На дне души гудит подводный Китеж...»).

Рассмотренными аспектами отнюдь не исчерпывается творческая жизнь легенды о граде Китеже. Она оказывается востребованной и другими художниками XX века, например, А. Ахматовой, А. Платоновым, некоторыми авторами русского зарубежья. Но это – предмет специального исследования.

Литература

1. *Базанов В. Г.* С родного берега: О поэзии Н. Клюева. Л., 1990.
2. *Белый Андрей.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1980. Т. 1.
3. *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990.
4. *Белый Андрей.* Петербург. Л., 1981.
5. *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М; Л., 1960–1963.
6. *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.
7. *Волошин М.* Избранные стихотворения. М., 1988.
8. *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991.
9. *Гиппиус З.* Светлое озеро (дневник) // Гиппиус З. Алый меч: Рассказы. СПб., 1906.
10. *Городецкий С.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1987. Т. I.
11. *Дворцова Н. П.* Пришвин и Мережковский (Диалог о Граде Невидимом) // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3.
12. *Есенин С. А.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1977.
13. *Комарович В. Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М; Л., 1936.
14. *Мережковский Д.* Александр I // Мережковский Д. Было и будет: Дневник, 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001.
15. *Миц З. Г.* Блок в полемике с Мережковскими // Миц З. Г. Ал. Блок и русские писатели. СПб., 2000.
16. *Морохин В. Н.* Таинственный мир града Китежа // Град Китеж. Горький, 1985.
17. *Розанов В.* Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы). СПб., 1914.
18. *Солнцева Н.* Последний Лель. О жизни и творчестве Сергея Клычкова. М., 1993.
19. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1994.
20. *Шешунова С. В.* Град Китеж в художественной литературе и проблема бифуркации русской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=54 (дата обращения: 22.02.2016).
21. *Шешунова С. В.* Легенда о граде Китеже в контексте символизма и постсимволизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=39 (дата обращения: 22.02.2016).
22. *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998.